

ALEKSANDER KIKLEWICZ

ORCID <https://orcid.org/0000-0002-6140-6368>

Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie

**ТИПОЛОГИЯ ФОРМ СИНТАКСИЧЕСКОЙ
РЕАЛИЗАЦИИ ПРОПОЗИЦИОНАЛЬНЫХ
АРГУМЕНТОВ
(НА ПРИМЕРЕ РУССКИХ ЭМОТИВНЫХ ГЛАГОЛОВ)¹**

**Typology of syntactic realization forms of propositional argument
(on the example of Russian emotive verbs)**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: семантический синтаксис, валентность, пропозициональная структура, синтаксическая репрезентация, сентенциальный актант, клаузалый комплемент, эмотивный глагол

KEYWORDS: semantic syntax, valence, propositional (predicate-argument) structure, syntactic representation, sentential actant, complement clause, emotive verb

ABSTRACT: The subject of this article is the syntactic representation of propositional arguments in the sentences with Russian emotive verbs. The opposition of sentential and nominal actants is treated as a gradual one, i.e. represented by a set of syntactic realization forms of propositional arguments: clausal and non-clausal, finite and non-finite, lexical (material) and zero/empty (non-material). All these forms constitute a valence class of a lexical unit. A quantitative analysis of syntactic representations of Russian emotive verbs has shown that the valent characteristics of verbs and the separate subclasses vary in a large range. The most typical forms of filling the position of propositional argument in the class *verba sentiendi* are predicate and propositional names, and the least typical are clausal actants with the core component in the form of an adjective and infinitive.

---

¹ Расширенная версия статьи, опубликованной в журнале «Филологические науки» (2019/1). Статья была подготовлена в рамках научного проекта *Die verbo-nominalen Konstruktionen als Folge syntaktischer Kondensation: semantische Interpretation in Sprache und Diskurs*, который в 2018 году был реализован в Институте славистики и речеведения (Institut für Slavistik und Sprechwissenschaft) Университета имени Мартина Лютера Галле-Виттенберг при финансовой поддержке научного фонда Alexander von Humboldt-Stiftung (Германия).

1. Введение

Предметом данной статьи являются формы синтаксической реализации сложных понятий как форм эмоциональной реакции человека на внешние и внутренние стимулы. В основе исследования русских *verba sentiendi* деятельности лежит представленная в разных версиях функционального синтаксиса идея амбивалентности синтаксических структур: с одной стороны, они представляют (в большей или меньшей степени замкнутые, условные, специфические) грамматические конфигурации материальных знаков; в этом смысле синтаксические структуры обладают «грамматическим настоящим». С другой стороны, синтаксические единицы разного формата принципиально рефлексивны: их природа объясняется функциональной необходимостью выражения семантической информации в речевой деятельности говорящего («семантическое прошлое» синтаксических единиц) или же необходимостью доступа к информации в речевой деятельности слушающего («семантическое будущее» синтаксических единиц)². Функциональный подход в синтаксисе означает, что условием инвентаризации синтаксических форм, включая формальные преобразования (трансформации) синтаксем, словосочетаний и предложений, должна быть их семантическая интерпретация, т.е. ссылка на ментальные категории, которые представляют область значения номинативной функции синтаксических единиц³. В работе Holmes/Stowe/Cupples 1989, 668 можно прочесть о лексическом прогнозировании (англ. *lexical expectations*) синтаксических структур в процессе восприятия речи.

Репрезентативный критерий означает не только расширение рамок синтаксического описания⁴, но и появление качественно новых аспектов,

---

² М. Б. Смит (Smith 2009, 367) пишет о том, что грамматические структуры функционируют как модели структурирования и экстериоризации понятийных категорий, а С. Каролак (Karolak 2002, 12) подчеркивает, что объектом синтаксического анализа не могут быть семантически неидентифицированные единицы.

³ В модели лексико-функционального синтаксиса (англ. *Lexical-Functional Syntax*) семантическая составляющая играет центральную роль. В данной концепции отрицается целесообразность глубинной структуры и трансформационных правил; подчеркивается зависимость синтаксических отношений от семантических свойств элементов, включая их принадлежность к лексико-семантическим классам; конститутивные структуры (англ. *constituent structure*) описываются с учетом функциональных структур (англ. *functional structure*), благодаря чему каждое предложение получает два типа синтаксической экспликации (Valin 2001, 182сл.).

⁴ Такой характер имеют современные версии функционального синтаксиса, например, Role and Reference Grammar (Valin 2001) или Lexical-Functional Syntax (Bresnan 2001; Bresnan/Asudeh/Toivonen 2016): описание синтаксической структуры включает не только дерево грамматических зависимостей, но также пропозиционально-семантическую структуру, семантические роли предикатов и актантов, функции разного рода операторов и модификаторов, а также закодированные в их форме грамматические значения. Такой характер синтаксического описания предусматривается в модели (много)уровневой структуры клаузы (англ. „the layered structure of the clause”) (Valin/LaPolla 1997/2004, 69).

например, (имеющей свои границы) интерпретации синтаксических единиц с точки зрения адекватности соответствия протосемантическим структурам⁵. В данной статье это будет показано на примере синтаксических репрезентаций пропозиционального аргумента как одного из дистрибутивных элементов сложного понятия, закодированного в лексическом значении русских эмотивных глаголов.

Статья состоит из нескольких частей. В первой будут рассмотрены понятия сентенциальных, клаузуальных и именных актантов, а прежде всего — проблема их противопоставления по формальным и содержательным признакам. Далее будет определено понятие валентного класса как множества альтернативных синтаксических репрезентаций аргументов (партиципантов, семантических актантов); будет также дана характеристика отдельных типов репрезентации. В третьей части будут представлены результаты исследования 302 русских эмотивных глаголов, в частности, приведены количественные данные о степени совместимости типов синтаксической репрезентации с семантическими характеристиками отдельных лексем, отдельных групп лексем и всего лексико-семантического класса.

2. Синтаксические репрезентации

2.1. Сентенциальные vs именные актанты: градуальная оппозиция

В современной синтаксической науке актанты (или комплементы – в другой терминологии) как интенциональные характеристики глагольного предиката, реализующие его валентностные свойства, представлены двумя классами: сентенциальными/клаузуальными и именными (см. Kibrik 1987; Кибрик 2009; Летучий 2012, 57)⁶. Данная оппозиция, в принципе, не вызывает сомнений, однако следует обратить внимание на то, что она отражает формальный аспект синтаксических единиц (наличие или отсутствие глагольного предиката, а также соответствующих морфологических и синтаксических характеристик)⁷, тогда как структурные компоненты предложения, подобно другим знаковым категориям, обладают не только формой, но и содержанием. Одной из составляющих этого содержания является то, что синтаксические актанты

⁵ В. А. Мишланов (1996, 18) пишет о них как семантических конфигурациях или архетипах.

⁶ В соответствии с этим литературе (Comrie/Thomson 1985, 392–393) выделяются два типа номинации: клаузуальный (предикативный) и лексический (непредикативный).

⁷ На это указывает также факт, что предложения типа *Я вижу Васю* не трактуются как содержащие сентенциальный актант (Сердобольская/Ильевская/Минор 2016, 383), несмотря на то, что – подобно предложениям с сентенциальными актантами – они указывают на события, состояния, процессы и т.д., ср.: *Я вижу что/как Вася гуляет по парку*.

представляют собой поверхностные реализации глубинных семантических структур, а именно – семантических аргументов как конструктивных элементов пропозиций. С семантической точки зрения оказывается, что качественная (эквивалентная) оппозиция сентенциальных и именных актантов в действительности имеет градуальный характер: ее отдельные члены, а именно – синтаксические репрезентации (далее – СР) пропозиционального аргумента (далее ПА), противопоставлены друг другу по степени проявления признака предикативности, который следует признать в качестве конститутивного для номинации событий, положений дел, ситуаций, свойств и др. При такой установке (от содержания к форме) само наличие в структуре синтаксических актантов грамматических показателей предикативности (например, личных, модальных, временных) является второстепенным по сравнению с фактом, что все СР (и предикативные, и непредикативные) компатибильны с системой языка, которая допускает разную степень эксплицитации понятийных категорий в соответствии с характером кодируемой/декодируемой информации, условиями языковой деятельности, а также прагматическими потребностями и установками субъектов⁸.

Если сравнить русские предложения:

- (1) Он забыл, что хотел сказать // что хотел что-то сказать.
- (2) Он забыл прийти.
- (3) Он забыл об обещании // про обещание.
- (4) Он совершенно забыл о непогоде.
- (5) Он забыл о Маше // про Машу.
- (6) Выпускники забыли друг о друге.
- (7) Он слишком часто забывает.

то, с одной стороны, можно выделить качественные оппозиции форм манифестации субстанциального и пропозиционального аргументов (при двухместном предикате второго порядка *ЗАБЫТЬ*):

$$\begin{aligned}
 P(x, q) &\rightarrow V(N^x, S^q) \\
 &V \text{ [забыл]} \\
 &N^x \text{ [он]} \\
 &S^q \text{ [что хотел сказать // что хотел что-то сказать]}
 \end{aligned}$$

С другой стороны, мы имеем дело с множеством альтернативных форм репрезентации одного и того же ПА (q)⁹:

⁸ О прагматическом аспекте выбора отдельных синтаксических форм см.: Noonan 2006, 695.

⁹ А. Руссо пишет о параллелизме клаузалных и номинальных комплементов (Roussou 2009, 584).

ЗАБЫВАТЬ/ЗАБЫТЬ (x, q)

q → S [что хотел сказать // что хотел что-то сказать]

q → VI [прийти]

q → NV [об обещании]

q → NS [о непогоде]

q → N [о Маше]

q → ∅

Хотя актанты *он* и *о Маше* // *про Машу* в предложении (5) относятся к одному и тому же именному типу (представлены именными группами), они принципиально различаются по своим семантическим функциям: первый реализует субстанциальный аргумент (x), а второй – пропозициональный аргумент (q), представляя его специфическую, некомпозиционную форму (Kortjevskaja-Tamm 2006, 653)¹⁰.

На относительность оппозиции сентенциальных и именных актантов указывает и то, что сентенциальные актанты представляют определенную (а именно – финитную) разновидность более широкого класса клаузалных актантов. Исследователи неоднократно указывали на неоднородность этого класса (см. Berk 1999, 217ссл.; Dik 1997, 143ссл.; Noonan 2006, 695), а градуальный характер противопоставления отдельных членов особенно проявляется в случае номинализации – лингвистического объекта, который получил едва ли не исчерпывающее научное описание на материале разных языков. Исследователи отмечают, что номинализация сопровождается нейтрализацией ряда грамматических оппозиций (времени, модальности, лица и др.) вследствие того, что некоторые грамматические категории не получают при этом выражения (Сердобольская 2005, 13; Korytkowska/Maldzjewa 2002; Soare 2017). Дело не только в том, что, как пишет С. Дик, лексический показатель предиката приобретает некоторые свойства именных частей речи (Dik 1997, 57), но и в том, что он теряет многие грамматические свойства глаголов. Это можно показать на пример синтаксической экспликации трех вариантов одного и того же предложения с разным заполнением позиции ПА:

¹⁰ Это семантическое различие актантов не всегда учитывается в синтаксических работах. Так, немецкий исследователь Р. Музан (Musan 2013, 51) в разделе своей монографии, посвященном категории синтаксического объекта, приводит примеры, которые в действительности представляют разные семантические структуры: с субстанциальными и пропозициональными аргументами, ср.: *Max wartet auf den Zug* – Макс ждет поезда; *Max schließt auf dem Sofa* – Макс спит на софе; *Eva freute sich wegen des Ausflugs* – Эва была довольна поездкой. Собственно, ни в одном из этих предложений нет объектного (субстанциального) актанта, который был бы детерминирован лексическим понятием глагольного предиката: в первом и третьем предложениях синтаксема в позиции дополнения (в вин. и род. падеже) выражает зависимую пропозицию (*Max wartet, dass der Zug einfahren wird*), а во втором предложении имеет факультативный характер (*Max schließt, und Max liegt auf dem Sofa*).

(8) Ян знает, что Марк уже приехал.

P (x, q)		
q → V N		
V:	FUNCT	PRED
	MEAN	<приехать>
	TENSE	+
	PERS	+
	MOOD	+
N:	FUNCT	ARG (SUBJ)
	MEAN	<Марк>
	CASE	NOM

(9) Ян знает о приезде Марка.

P (x, q)		
q → NV N		
NV:	FUNCT	PRED
	MEAN	<приехать>
	TENSE	∅
	PERS	∅
	MOOD	∅
N:	FUNCT	ARG (SUBJ)
	MEAN	<Марк>
	CASE	GEN

(10) Ян знает о Марке.

P (x, q)		
q → N		
∅V:	FUNCT	PRED
	MEAN	∅
	TENSE	∅
	PERS	∅
	MOOD	∅
N:	FUNCT	∅
	MEAN	<Марк>
	CASE	PREP + LOC

Как видим, каждый новый тип CP означает все большее число грамматических параметров, которые оказываются невыраженными (символ ∅). При этом ограничения, которые связаны с номинализацией и вообще с десентенциализацией CP, касаются не только морфологических свойств предикатных синтаксем, но и грамматической, а также лексической сочетаемости компонентов. На это указывает следующий пример:

- (11) (а) Никто не верит, что мне за 50.
(б) Никто не верит в мои 50.
(в) ? Никто не верит в мои за 50.

Необходимо отметить, что особый, приоритетный – с точки зрения системы языка – статус финитной формы репрезентации ПА (т.е. придаточного предложения – в терминах традиционного синтаксиса) обусловлен не собственно формально-грамматическими факторами (в частности, фактом выражения грамматических значений категорий времени, лица и объективной модальности), а – в первую очередь – их коммуникативно-прагматическим приложением. Речь идет о способности финитной клаузы выступать в качестве самостоятельной локуции. Прежде всего в этом, функциональном смысле она является основной. Если сравнить две версии одного и того же высказывания:

- (12) Я знаю, что Вася победил.
> Вася победил.
(13) Я знаю о Васиной победе.
> *Васиной победе.

то очевидно, что только в первом случае клаузальный актанта равнозначен высказыванию с репрезентативной функцией, удовлетворяющему, в частности, требованию истинности сообщения. Именно утрату иллюкутивной функции К. Леманн рассматривает как главный признак десентенциализации: предназначенные для выражения коммуникативных значений операторы в зависимых клаузах не допускаются (Lehmann 1988, 190). В целом же в соответствии с концепцией немецкого ученого переход от предикативной формы клаузального актанта к именной форме имеет континуальный характер¹¹, т.е. реализуется как процесс поэтапной деспецификации клаузальных компонентов. В качестве таких этапов рассматривается утрата или ограниченное употребление значений модальности, наклонения, времени и вида; необязательное заполнение позиций семантических аргументов; утрата согласования по значению категории лица; трансфер субъекта в периферийную позицию (дополнения) и др. (см. также: Сердобольская 2005, 14).

2.2. Сентенциальные актанта в синтаксических словарях

Парадоксально, что несмотря на, казалось бы, очевидный градуальный характер оппозиции разных типов CP, их описание в синтаксических словарях (так называемых словарях валентности) зачастую не согласуется с этим фактом.

¹¹ В. Леманн (Lehmann 1988, 187) ссылается на работу Foley/van Valin 1984, в которой была предложена идея континуальности в системе синтаксических форм.

Анализ такого рода словарей разных европейских языков (Киклевич/Корыт-ковская 2012, 578ссл.; Kiklewicz/Korytkowska 2013, 54ссл.) показывает, что, во-первых, в словарях не отражается естественная с точки зрения системы языка последовательность СР – обычно первенство отдается формам, которые считаются наиболее типичными с узальной точки зрения (например, сначала приводятся более характерные для разговорной речи иллюстрации употребления перцептивных глаголов с именными актантами, а затем – более книжные формы употребления с сентенциальными актантами). Во-вторых, многие словари валентностей (не говоря уже об обычных толковых словарях) вообще не замечают конструкций с сентенциальными актантами, несмотря на то, что они отмечены в языковом материале и совместимы с системой языка. Например, в «Словаре грамматической сочетаемости слов русского языка» Е. М. Лазуткиной (2012, 312) имеется статья УВЕРЯТЬСЯ/УВЕРИТЬСЯ:

Убеждаться/убедиться, удостоверяться/удостовериться в чем-н.

В чем — с отвлеченным существительным в предложном падеже с предлогом «в» (объектом): *Теперь он уверился в правоте матери.*

В «Словаре» не учитывается совершенно типичная для большинства ментальных глаголов русского языка (см. далее) возможность заполнения позиции ПА финитной клаузой (здесь и далее примеры заимствованы из Национального корпуса русского языка):

(14) Я окончательно уверился в том, что такой жизни [...] нет и не может быть нигде (Валерий Медведев).

(15) Он и сам уверился в том, что является именно таким (Александр Чаковский).

(16) [...] Тем больше уверялась в том, что под обликом женственного мужчины спрятаться легче всего (Александра Маринина)¹².

2.3. Компрессия vs имплицитация

Факт существования клаузальных и неклаузальных, финитных и нефинитных форм реализации ПА требует, помимо прочего, онтологической интерпретации. В языкознании, как можно думать, под влиянием генеративной лингвистики (а именно – теории деривации, см. Хомский 1962, 430ссл.), распространилась идея производности одних синтаксических структур от других. Деривация обычно трактуется как комплектация исходной, более простой единицы, в результате чего появляется более сложная единица. В случае номинализации финитной клаузы происходит обратное: более

¹² В Национальном корпусе русского языка имеется 73 предложения, включающие глагол *увериться* в индикативе с правым коллокатом *в том, что*.

сложная сущность преобразуется в более простую. Сам факт формальной, структурной трансформации не вызывает у большинства исследователей сомнений. Считается, что финитные клаузы преобразуются в нефинитные (англ. „are turned into a noun”) (Koptjevskaja-Tamm 2006, 653) и что в основе процесса десентенциализации лежит редукция (компрессия, конденсация, стяжение, сокращение, «свертка») исходной предикативной структуры (см. Кошкарева 2015, 16; Лагузова 2016, 315ссл.; Норман 1994, 197; 2012, 4ссл.; Сердобольская 2005, 14; Strelnikova 2010; Aljović 2017, 28; Habrajska 2017, 113ссл.; Klinken/Lumien 1999, 278; Kvam 2002; Lehmann 1988, 190; Noonan 2006, 694; 2007, 146; Reuland 2011; Schmidke-Bode 2014, 57; Steedman 2000; Veselovská 2000 и др.). Действительно, существует явление (в том числе направленно-го, осознанного) перефразирования, симплификации текста, например, в процессе перевода или же для дидактических целей – адаптации текста к уровню языковой компетенции учащихся.

Другое применение трансформационные процедуры находят в синтаксической науке, а именно – как эвристический метод экстериоризации деривационной истории языковых выражений, в частности, объяснения таких явлений, как синтаксическая омонимия, контаминация, а также как метод экспликации лексических понятий (например, при их компонентном анализе).

В то же время «свертка» сентенциальных актантов не представляется реальным языковым процессом или механизмом при функциональном подходе к языку и языковой деятельности. Во-первых, идея синтаксической компрессии, в частности, интерпретации нефинитных клаузальных актантов как редуцированных рефлексов их более комплектных финитных прото-соответствий, не получает психолингвистического подтверждения. Требование психологической релевантности постулируется как одно из фундаментальных для функциональной грамматики, поэтому С. Дик отказывается от следования методологии и эвристике генеративной лингвистики, оставляя за рамками своей модели такие понятия, как глубинная структура, трансформационные правила и др. Клаузальные (финитные и нефинитные) актанты трактуются Диком как альтернативные по отношению друг к другу, параллельные включенные конструкции (англ. *embedded constructions*). Разумеется, нельзя отрицать факта производности лексем в случае номинализации как словообразовательного явления на уровне языковой системы (*раздать* > *раздача*; *новый* > *новизна*), однако нет доказательств того, что содержащие подобные дериваты синтаксические конструкции производятся в речевой деятельности по моделям такого рода преобразований¹³. Другими словами, нет оснований для утверждения о психологической производности (17а) от (17б):

¹³ Поэтому в опубликованной в чешской лингвистической энциклопедии статье отмечается, что номинализация – явление стилистики и словообразования, а не синтаксиса (Jelínek 2018).

- (17) (а) Мне нравится захватывающая новизна сюжета.
 (б) Мне нравится то, что сюжет содержит много новых сцен, событий, которые меня захватывают.

Во-вторых, понятие синтаксической компрессии/конденсации фактически указывает только на один аспект речевой деятельности – деятельность говорящего: именно он осуществляет «свертку» семантического содержания – в речевой деятельности слушающего, напротив, происходит «развертка» сообщения. Эта точка зрения является доминирующей в современном языкознании: говорящий является главной фигурой, во всяком случае отправной точкой или областью рассуждения и в генеративной лингвистике, и в теории «смысл – текст», и в теории высказывания (например, его актуального членения) и др. Но если говорящий осуществляет компрессию, то слушающий – декомпрессию, а успешность коммуникации обусловлена тем, что и для говорящего, и для слушающего выбор соответствия между формой и значением осуществляется по одинаковым правилам.

В-третьих, формальная реконструкция более кратких синтаксических форм не всегда возможна из-за того, что более полные, финитные корреляты не являются отмеченными. Например, фазовые глаголы относятся к числу предикатов второго порядка: их единственная аргументная позиция заполняется синтаксемами (со значением события, состояния, процесса) в форме абстрактного существительного, тогда как финитная клауза в этой позиции не предусматривается, ср.:

- (18) Начинается дождь.
 (19) Концерт закончился.
 (20) Лекция продолжилась.

Позиция ПА, в принципе, может быть заполнена придаточным предложением, но особого – присловного, местоименно-соотносительного типа (Белошапкина 1977, 230):

- (21) «Тогда» начиналось то, чего я боюсь и сейчас (Л. Гурченко).
 (22) И тогда начинается то, что так любят охотники (А. Щеглов).
 (23) И вот тут начинается то, что зовется реальной жизнью.

В принципе, мы здесь имеем дело с так называемыми релятивными клаузами, которые служат для семантической модификации соотносительного местоимения¹⁴. Устранение этого коррелятора невозможно, ср.:

- (24) *И вот тут начинается, что зовется реальной жизнью

¹⁴ О лингвистическом статусе сложных относительных предложений такого типа более подробно см. в работе: Мишланов 1996, 98.

Существует много случаев того, что структурная реконструкция конденсированной синтаксической формы, в принципе, возможна, однако ее результатом являются чрезвычайно сложные, громоздкие структуры, которые имеют право на существование как элементы лингвистического реанализа, но которые трудно признать реальными элементами речевой деятельности. Трудности такого рода интерпретации часто связаны с описанием относительных местоимений, которые более регулярно, чем в русском языке, образуются и употребляются в польском, ср.:

(25) Wiedziała o jego kosztownych podróżach.

Он знала о его дорогих/дорогостоящих путешествиях/поездках.

Синтаксическая протоструктура с финитной клаузой в приглагольной позиции могла бы иметь, например, следующий вид:

(26) < Wiedziała (o tym), że to/ten fakt, że on wiele, często podróżuje, wiąże się z tym, że on lub inna osoba musi ponosić duże koszty.

Она знала (о том), что то/тот факт, что он много, часто путешествует, требует, чтобы он или другое лицо несло большие денежные/материальные расходы.

Не вызывает, однако, сомнений слишком искусственный, спекулятивный характер такого рода реконструкций.

В-четвертых, между исходной и производной синтаксическими формами не всегда существует семантическое тождество (Jelínek 2018), а многие нефинитные, а тем более неклаузальные актанты оказываются неоднозначными. Это, в частности, касается эвентивных имен (названий событий), которые могут быть интерпретированы в экзистенциальном или же темпоративном аспекте, ср.:

(27) Митя вспомнил о концерте.

(а) < Митя вспомнил, что состоится концерт.

(б) < Митя вспомнил, что было/происходило во время концерта.

В случае (27а) предложно-падежная конструкция *о концерте* интерпретируется как экзистент зависимой клаузы, тогда как в случае (27б) тот же актант реализует семантическую роль темпоратива. Эти два значения эвентивных существительных регулярно реализуются в речевой деятельности, а их делимитация требует тщательного анализа контекста и не всегда выглядит убедительной, что ставит под сомнение саму возможность такого рода структурной реконструкции¹⁵.

¹⁵ Б. Ю. Норман (1994, 197) тем не менее убежден, что синтаксические процессы автономны по отношению к семантическим структурам и могут быть описаны как преобразования грамматических форм и позиций.

С учетом всех представленных выше аргументов модель синтаксической конденсации при функциональном подходе к языку не может быть признана удовлетворительной. Более предпочтительной является предложенная С. Кароляком (Karolak 1984; 2002) концепция эксплицитации/имплицитации¹⁶. В этом случае синтаксические единицы и их структуры рассматриваются как формы реализации базовых семантических категорий – сложных понятий, сконфигурированных в соответствии с содержанием ядерного элемента – предиката. Кароляк дифференцирует случаи полной реализации пропозиционально-семантических структур, а также случаи большей или меньшей имплицитации аргументов (Karolak 2002, 13; см. также: Szumska 2017, 268)¹⁷. В соответствии с этим подходом клаузальные/неклаузальные, финитные/нефинитные, материальные/нематериальные формы реализации семантических аргументов можно трактовать как синтаксические репрезентации (СР)¹⁸. Они могут быть более или менее полными, дискретными, изосемическими в зависимости от того, насколько грамматическая форма соответствует типу выражаемого понятия. Другими словами, СР различаются по степени композициональности, т.е. совместимости семантической интерпретации языкового выражения с его лексическим составом и грамматической структурой. С точки зрения процессов языковой деятельности (кодирования и декодирования информации) понятия эксплицитации/имплицитации и композициональности/некомпозициональности являются амбивалентными, что обеспечивает более полный охват описываемых языковых явлений.

3. Валентный класс

Степень композициональности постепенно убывает в зависимости от присутствия или отсутствия предиката, а также характера его грамматической реализации. В синтаксической литературе, главным образом, представлена типология клаузальных актантов, т.е. таких, в структуре которых имеется лексический показатель предикации (Szumska 2017, 65; Noonan 2006, 695; Dik 1997, 143 и др.). К основным формам реализации ПА относятся: 1) сентенциальные актанты (содержащие финитные формы предиката), которые делятся на гипотактические (союзные) и паратактические (бессоюзные); 2) нефинитные клаузальные актанты, содержащие 2а) инфинитивные клаузы;

¹⁶ На тему эксплицитации семантических категорий см. также: Landau 2010; Safir 1991.

¹⁷ В основе явления имплицитации лежит принцип структурной экономии (Шелякин 2002, 111; Safir 1993, 64; Willim 2010, 93).

¹⁸ Термин *синтаксическая репрезентация* (англ. *syntactic representation*) встречается в лингвистической литературе, при этом имеются в виду типовые грамматические формы семантических категорий (Smet 2009) или прагматическая маркированность синтаксических структур (Speas 2004).

2б) адъективные клаузы; 2в) номинальные клаузы (когда в позиции главного члена находится именная группа с абстрактным значением). В этой классификации, однако, не учитывается факт, что имплицитация ПА может иметь более радикальный характер, когда, например, зависимая пропозиция реализуется в форме одного из ее субстанциальных аргументов, ср.:

(28) Водитель прекрасно чувствует дорогу.

[Водитель прекрасно чувствует, что скорость и направление движения автомобиля должны соответствовать обстановке на дороге – поворотам, спускам, знакам, другим транспортным средствам и т.д.]

С учетом этого и других фактов можно предложить расширенную типологию синтаксических форм ПА. Приведенная ниже таблица не только содержит все основные типы СР, но и отражает их градацию с точки зрения изосемичности: наиболее репрезентативный характер имеют сентенциальные (финитные) актанты; более низкую ступень занимают клаузальные актанты, содержащие разные формы номинализации; далее следуют неклаузальные актанты, среди которых существует своя иерархия: наиболее репрезентативными в этой группе являются пропозитивные (в частности, эвентивные) СР, называющие событие или состояние в целом, а наименее репрезентативными – нулевые СР (как результат бесконтекстного незаполнения позиции ПА).

клаузальные СР	финитные (сентенциальные) СР (S)	
	нефинитные (предикатные) СР	номинальные СР (NV)
		инфинитивные СР (VI)
		адъективные СР (ADJ)
		герундиальные СР (GER)
неклаузальные СР	лексические (материальные) СР	пропозитивные СР (NS)
	нулевые (нематериальные) СР (∅)	актантные (N)

Все СР, допустимые в соответствии с валентными свойствами (а также лексическим значением) вершинного предиката, образуют валентный класс (см. Kiklewicz/Korytkowska 2013, 67)¹⁹. В качестве примера такого класса может послужить русский глагол *ненавидеть*, дистрибутивные характеристики которого представить в таблице 1²⁰.

¹⁹ В русском языкознании употребляется родственное валентному классу понятие синтаксического ряда как множества форм заполнения одной и той же синтаксической позиции (см. Кручинина 1968; Лазуткина 2000). Различие состоит, однако, в том, что синтаксические ряды опираются на грамматические значения и формы слов (синтаксем), тогда как валентный класс определяется в терминах грамматических категорий. Второй подход дает определенные преимущества, например, в области сопоставительного изучения флексийных и нефлексийных языков, например, русского и болгарского.

²⁰ Иллюстрации преимущественно заимствованы из Национального корпуса русского языка.

Таблица 1. Русский глагол *ненавидеть*

НЕНАВИДЕТЬ	
Пропозициональная структура: P (x, q)	
Тип СР*	Примеры
V N ^x , S ^q	Она ненавидит, что я матери жизнь сломал. Я ненавижу, когда меня используют.
V N ^x , NV S ^q	Отец ненавидел свою болезнь за то, что она оказалась сильнее его**.
V N ^x , N S ^q	Дедушка их всех ненавидел за то, что мать разводится с отцом.
V N ^x , S ^q N	Она люто ненавидела в нем то, что он постоянно занят. Я ненавижу в себе, то, что я запрограммирована на рождение детей.
V N ^x , VI ^Q	Ненавижу ходить к начальству
V N ^x , NV ^Q	Я ненавижу опоздания.
V N ^x , NS ^q	Они ненавидят нынешний режим.
V N ^x , NS NV ^Q	Свою работу она ненавидит за отсутствие перспектив. Ирина ненавидела эту программу за критику правительства. Я ненавижу похороны за ощущение красивой убедительной скорби. Но я ненавижу спорт как явное выражение тоталитарной мысли. Он ненавидит брак как форму насилия.
V N ^x , NV ^Q NS	В своей работе я ненавижу отсутствие перспектив.
V N ^x , NV ^Q N	Я ненавижу в нем чванство. Я ненавижу в себе свою женскую сущность.
V N ^x , N NV ^Q	Все ненавидели их за внутреннюю свободу. Ненавидел за его идиотскую стрижку. Милюкова ненавидели за его «новую тактику». Врачей ненавидела как класс.
V N ^x , N N ∅ ^Q	Я ненавижу в нем раба. В Керенском русская интеллигенция ненавидит самое себя. Я ненавижу его как манипулятора. В душе он ненавидел его как своего соперника,
V N ^x , aq pl rec, ∅ ^q	Они ненавидели друг друга.
V N ^x , N ∅ ^Q	Он ненавидел этих профессиональных крикунов.
V N ^x ∅ ^q	Только проигравший ненавидит. Человек ненавидит, [сам того не зная.]

* Условные обозначения употребляются в соответствии с концепцией экспликативного синтаксиса (см. Kiklewicz/Korytkowska 2010, 23).

** Валентный класс содержит, в частности, конструкции расщепления, в которых ПА реализуется в виде двух актантов, грамматически зависимых от вершинного предиката-сказуемого (более подробно о явлении расщепления см.: Апресян 1974, 153–154; Тестелец 2001, 429).

Прежде чем (в следующем пункте) будут рассмотрены результаты количественного анализа форм реализации ПА в классе эмотивных глаголов, кратко представим основные типы СР. Заполнение позиции ПА финитной клаузой (придаточным предложением – в традиционной грамматике) является наиболее полным, дискретным способом эксплицитации. Симметрия между семантическим и формально-грамматическим планами пред-

ложения: $P(x, q) \rightarrow V N^x, S^q$ позволяет квалифицировать данную СР – вслед за Б. Ю. Норманом (1994, 176) – как соблюдение²¹.

Конструкции данного типа различаются тем, включают обязательный коррелятор (соотносительное местоимение *то*) или нет, имеют союзный или бессоюзный характер, а в случае союзных предложений – включают изъяснительный, причинный, временной или другой союз. На это указывают приведенные ниже иллюстрации:

- (29) Я терпел, что ты так и не видела, как я люблю тебя.
- (30) Я блаженствовала оттого, что пережила войну.
- (31) Она встревожилась, потому что была уверена, что Владимир со мной.
- (32) Он бесится, когда его называют деконструктором.
- (33) Особенно вымучило меня то, что я не открылся ему.
- (34) Меня еще наумчит то, что связано с прошлыми отношениями.
- (35) Вынырнув, испугался — так недолго и утонуть.

Специального рассмотрения требуют конструкции²² с подчинительным союзом *чтобы* в составе предложений с вершинным глаголом в форме инфинитива:

- (36) Мужчины [...] всегда любят, чтобы завести компанию вчетвером (А. Куприн).
- (37) Любит, чтобы по порядку вымотать душу (К. Станюкович).
- (38) Дорох любил, чтобы к рождеству заколоть своего «кабана» (Д. Мамин-Сибиряк).
- (39) Я люблю, чтобы деньги не считать, чтобы по ветру летели деньги (И. Грекова).

Несмотря на наличие союза имеются обстоятельства против того, чтобы трактовать данные СР как сентенциальные актанты: во-первых, с формально-грамматической точки зрения данные клаузы не являются финитными; во-вторых, подчинительный союз легко устраняется, а получаемые в результате этого конструкции представляют собой инфинитивные клаузы (а не сложные бессоюзные предложения), ср.:

- (40) Мужчины любят завести компанию.

В-третьих, вряд ли здесь выполняется также требование локутивной самостоятельности СР. При отсутствии союза как единственной формы выражения желательности инфинитивные конструкции как самостоятельные

---

²¹ Норман понимает под соблюдением точное повторение в высказывании структурной схемы предложения, т.е. в духе трансформационной грамматики, что, с нашей точки зрения, приложимо также к процессу синтаксической эксплицитации пропозиционально-семантических структур.

²² Более часто встречаемые в предложениях с метальным глаголом.

высказывания возможны только в соответствующей конситуации, а именно – благодаря соответствующей когнитивной установке субъекта речи, ср.:

(41) (Вот бы, хорошо бы) завести кампанию!

(42) (Вот бы, хорошо бы) деньги не считать!

Однако совершенно очевидно, что инфинитивная конструкция и здесь выступает как семантически зависимая, на что указывают трансформации:

(43) Я бы хотел завести кампанию.

(44) Я бы хотел не считать деньги.

Поэтому включение такого актанта (со значением желательности) в пропозицию с эмотивным глаголом оказывается невозможным, ср.:

(45) *Я люблю, вот бы/хорошо бы завести кампанию.

(46) *Я люблю, вот бы/хорошо бы деньги не считать.

В «Русской грамматике» (Шведова 1980, 478) приводятся примеры подчинительных предложений с союзом *чтобы*, вершиной которых является инфинитив, однако это – предложения другого рода, например, с перцептивными или иллокутивными глаголами, в которых устранение союза невозможно. Конструкции (36) – (39) следует признать как особый, симбиотический тип синтаксической структуры, сочетающий свойства сентенциальных актантов (наличие подчинительного союза) и инфинитивных актантов. С учетом того, что частота употреблений такого рода СР незначительна, при количественном анализе типов СР данные формы не учитывались, в частности, с учетом факта, что в классе эмотивных глаголов не встретилось случая, когда бы инфинитивная клауза с союзом *чтобы* не допускала варианта СР без союза²³.

Краткого комментария требуют также конструкции с деепричастиями. С. Дик (Dik 1997, 155) пишет, что герундий в английском языке (*participial constuctions*) преимущественно употребляется как факультативный модификатор, поэтому соответствующие конструкции не имеют статуса синтаксических актантов. Что касается русских эмотивных глаголов, то конструкции с деепричастием ведут себя двояко: с одной стороны, они, указывая на обстоятельства переживаемого чувства, имеют экстенциональный (т.е. добавленный) характер; с другой стороны, отмечено также интенциональное употребление таких конструкций, когда они выражают обусловленное глаголом значение

²³ При другой постановке задачи инфинитивные клаузы с союзом могут играть более важную роль, например, при сопоставлении русского языка с польским, в котором конструкции типа *żeby* (*чтобы*) + Inf более распространены.

причины, мотива, предмета переживаемого эмоционального состояния. На это указывают приводимые ниже примеры:

- (47) Рядом с ними, подперевшись локтем, скучала красивая Амбра (Андрей Герасимов).
- (48) А я, глядя на него, веселюсь, что хотя одного человека совершенно довольного около себя вижу (В. Шишков).
- (49) Он забеспокоился, узнав голос.
- (50) Он натерпелся, имея дело с этим человеком.

В предложениях (47) и (48) деепричастные конструкции имеют свободный характер. Их исключение не влияет на причину/предмет переживаемого чувства, ср.:

- (51) Рядом с ними скучала Амбра.
- (52) Я веселюсь, что вижу совершенно довольного человека.

В предложениях (49) и (50) деепричастные конструкции выполняют другую функцию: они предопределены значением глагольного предиката (*забеспокоился* > в связи с чем-л., из-за чего-л.; *натерпелся* > в связи с чем-л., из-за чего-л.). На это указывает также возможность их преобразования в придаточные предложения:

- (53) Он забеспокоился оттого, что / когда услышал голос.
- (54) Он натерпелся оттого, что / когда имел дело с этим человеком.

4. Регулярность реализации СР: квантитативный анализ и следствия

Характер заполнения позиции ПА был исследован на материале 302 эмотивных глаголов современного русского языка. Полученные в результате этого анализа количественные данные приведены в таблице 2.

Приведенные в таблице 2 данные свидетельствуют о том, что типы СР различаются по степени регулярности реализации валентных свойств эмотивных глаголов. Наиболее типичными в позиции ПА являются предикатные и пропозитивные именные группы (NV и NS), которые выступают в этой позиции без ограничений.

Таблица 2. Полученные в результате анализа количественные данные

Тип СР		Количество глаголов
сентенциальный актант	$q \rightarrow S$	293 (97,1%)
нефинитный клаузалый актант	$q \rightarrow NV$	302 (100%)
	$q \rightarrow VI$	37 (12,3%)
	$q \rightarrow Adj$	3 (0,9%)
	$q \rightarrow Ger$	137 (45,4%)
	$q \rightarrow NS$	302 (100%)
именной пропозитивный актант	$q \rightarrow NS \emptyset^Q$	302 (100%)
	$q \rightarrow N \emptyset^Q$	277 (91,7%)
именной субстанциальный актант	$q \rightarrow \emptyset$	155 (51,3%)

Следует обратить внимание, что в множестве СР имеются четыре типа, в основе которых лежит именная группа: 1) NV^Q как вершинный компонент клаузального актанта (результат номинализации финитного предиката); 2) NS^Q как именной пропозитивный актант, кореферентный с пропозицией²⁴; 3) $NS \emptyset^Q$ как именной пропозитивный актант, кореферентный с аргументом зависимой пропозиции; 4) $N \emptyset^Q$ как именной субстанциальный актант, кореферентный с аргументом зависимой пропозиции. Ниже приведены примеры каждого типа:

(55) Известие об этом взбудоражило ученых Москвы.

$NV^Q \dots \quad V \quad \quad N^x$

(56) Это обстоятельство его испугало.

$NS^Q \dots \quad N^x \quad \quad V$

(57) Порадовала женская эстафета [*< то, что происходило во время женской эстафеты*].

$\emptyset^x \quad \quad V \quad \quad NS \emptyset^Q$

(58) Докладчик потряс меня.

$N \emptyset^Q \quad \quad V \quad \quad N^x$

Эти типы различаются по своей репрезентативности: наиболее типичными, как отмечено выше, являются предикатные и пропозитивные имена, несколько реже (охватывая 91,7% глаголов) выступают субстанциональные имена.

Следует отметить, что, что большинство глаголов (97,1%) допускает в позиции ПА сентенциальный актант. Исключение составляют девять лексем:

²⁴ Именные группы этого типа могут быть автосемантическими (*концерт, вече, симфония, лекция, лето*) или синсемантическими, т.е. обусловленными контекстом: анафорическими (*всё это*) или катафорическими (*то, что...*).

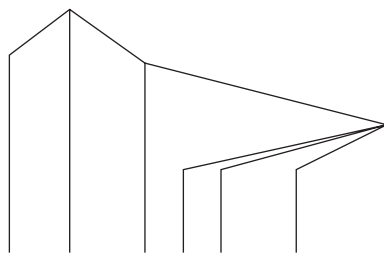
наскучаться, отпугивать/отпугнуть, боготворить, взбудоражить, выстрадать, влюбляться₁/влюбиться₁, возненавидеть, ожесточать/ожесточить, разлюбить₁. В случае глагола *отпугивать/отпугнуть*, который является трехместным предикатом второго порядка: $P(p, x, q)$, придаточное предложение отмечено только в первой позиции; позиция второго ПА заполняется именной группой (NV, NS, N), например:

- (59) Автолюбителей от тюнинга отпугивает то, что машину потом не примут на фирменном сервисе.

Глаголы *боготворить*, *взбудоражить*, *выстрадать* и др., в принципе, допускают придаточное предложение в позиции q , однако данный тип СР вряд ли можно квалифицировать как сентенциальный актанта. Дело в том, что в предложениях этого типа (с относительным придаточным; об этом была уже речь в пункте 1.3) обязательным является коррелятор *то, всё* в главной части, а между ним и союзным словом в придаточной части имеется семантическая кореференция (подробнее об этом см.: Мишланов 2010б 7), ср. примеры:

- (60) Федор до поры до времени чуть ли не боготворил все, что было связано с курением (В. Тучков).
 (61) Она выстрадала все, что можно было выстрадать от обманутой надежды (Е. Ростопчина).
 (62) Я разлюбил то, что недавно еще любил.

Данные обстоятельства склоняют нас к трактовке данного типа предложений как конструкций с пропозитивной именной (катафорической) группой (*то, всё*) в позиции ПА. В этом случае следует признать, что придаточное предложение по отношению к коррелятору занимает определительную позицию.

Я разлюбил то, что (я) недавно любил.
 N^x V NS^q (> S^q)

Позицию соотносительного местоимения *to* может занимать, например, именная группа (*те*) *вещи*²⁵ с общепропозитивным значением – тогда относительный (или определительный) характер придаточного становится более очевидным, ср.:

- (63) (а) Я старался обратить внимание на те вещи, которые ранее как-то не замечал.
 (б) Я старался обратить внимание на то, что ранее не замечал.

Наиболее высокая степень синтаксической имплицитации наблюдается в конструкциях с незаполненной (т.е. нулевой) позицией ПА. Поскольку исследуется валентность эмотивных глаголов как их системно обусловленное свойство, то, естественно, во внимание принимаются только случаи так называемого бесконтекстного синтаксического нуля – без учета явления эллипсиса. Анализ показал, что половина (51,3%) эмотивных глаголов допускает такой тип СР. Отсутствие материальной формы в позиции ПА означает, что причина, мотив или предмет переживаемого чувства, настроения, аффекта имеет неопределенный или обобщенный характер, на что указывают следующие примеры:

- (64) Я пыталась серьезно поговорить, но он психует.
 (65) Я смущалась, пугалась и восторгалась одновременно.
 (66) Он всегда искренне радуется.
 (67) Разволнуется человек – и всё у него валится из рук.

Если сравнить данный тип СР в классах эмотивных и ментальных глаголов, то оказывается, что во втором случае нулевая реализация ПА характерна для 65% единиц. Различие (ок. 51% vs 65%) слишком заметное, чтобы оставить его без комментария. Одно из наиболее очевидных объяснений касается явления производной диатезы. Дело в том, что форма ПА может занимать позицию дополнения – в случае основной диатезы, или позицию подлежащего – в случае производной диатезы, ср.:

- (68) Я бесилась оттого, что бабушка может залезть на мою полку.
 Он бесится, когда его называют деконструктором.
 Он бесится, видя такую несправедливость.
 Он бесится от обиды и ревности.
 Он бесится из-за Маши.

²⁵ С. Дик в качестве одного из типов номинализации рассматривает вершинную номинализацию (англ. *headed nominalization*), имея в виду существительное с общефактическим значением, подчиняющее клаузу, ср.: *John deplored the fact that Peter had to leave* (Dik 1997, 157).

- (69) Костю бесило то, что непобедимые Регуляторы драпали от танковой колонны.
 Бесит то, что даже такое либеральное учреждение пришло к признанию ритуала.
 Поначалу Алевтину бесит его молчание.
 Эта тишина бесила.
 Меня в нем бесит безграничное хамство.
 Он бесит меня своим поведением.

В предложениях с псевдосубъектной диатезой, т.е. когда актант со значением экспериенсера занимает позицию прямого дополнения (в вин. пад.), заполнение позиции ПА оказывается обязательным, ср.:

- (70) (a) Митя просто бесится.
           N^x   V   ∅^q
 (б) *Митю просто бесит.
           N^x   V   ∅^q
- (71) (a) Я сначала бесился.
           N^x   V   ∅^q
 (б) *Меня сначала бесило.
           N^x   V   ∅^q
- (72) (a) В таких ситуациях она всегда бесится.
                                   N^x   V   ∅^q
 (б) *В таких ситуациях меня всегда бесило.
                                   N^x   V   ∅^q

В рамках класса эмотивных глаголов производная диатеза представляет собой довольно типичное явление – охватывает 35,7% глаголов. В случае ментальных глаголов этот тип структурной организации предложения характерен только для 16,9% глаголов (более подробно об этом см.: Kiklewicz 2017). Тем самым производная (а именно – псевдосубъектная) диатеза ограничивает возможности нулевой реализации ПА в предложениях с эмотивными глаголами.

5. Заключение

В статье рассмотрен комплекс актуальных проблем изучения синтаксических структур, включая особенности русского синтаксиса. Было обращено внимание на градуальный характер оппозиции сентенциальных и именных актантов, которая представлена множеством синтаксических форм реализации пропозициональных аргументов: клаузалных и неклаузалных, финитных и нефинитных, лексических (материальных) и нулевых (нематериальных). Все эти формы составляют валентный класс лексической единицы.

В свете функционального подхода к языку было рассмотрено понятие номинализации. Приведенные аргументы говорят в пользу того, что распространенная в лингвистических работах концепция синтаксической конденсации как трансформации базовой, изосемической синтаксической структуры не отражает реального механизма возникновения и функционирования неполных, недискретных, неизосемических синтаксических репрезентаций, поэтому предпочтение было отдано концепции имплицитации.

Типы синтаксической реализации ПА были описаны на материале класса эмотивных глаголов. Их квантитативный анализ показал, что статус отдельных типов СР как валентных характеристик глаголов варьируется в большом диапазоне. Наиболее типичными формами заполнения позиции ПА в данном классе глаголов являются предикатные и пропозитивные имена, а наименее типичными – клаузальные актаны с вершинным компонентом в форме прилагательного или инфинитива.

Библиография

- ALJOVIĆ, N. (2017), *Non-finite Clauses in English. Properties and Function*. Sarajevo.
- APRESYAN, Yu. D. (1974), *Leksichesкая semantika. Sinonimicheskiye sredstva yazyka*. Moskva. [Апресян, Ю. Д. (1974), *Лексическая семантика. Синонимические средства языка*. Москва.]
- BELOSHAPKOVA, V. A. (1977), *Sovremennyy russkiy yazyk. Sintaksis*. Moskva. [Белошапкова, В. А. (1977), *Современный русский язык. Синтаксис*. Москва.]
- BERK, L. M. (1999), *English Syntax. From Word to Discourse*. Oxford.
- BRESNAN, J. (2001), *Lexical-functional Syntax*. Malden.
- BRESNAN, J./ASUDEN, A./TOIVONEN, I. et al. (2016), *Lexical-functional Syntax*. Malden.
- CHOMSKY, N. (1962), *Sintaksicheskiye struktury*. V: Zvegintsev, B. A. (red.), *Novoye v lingvistike*. Упр. 2. Moskva, 412–527. [Хомский, Н. (1962), *Синтаксические структуры*. В: Звегинцев, В. А. (ред.), *Новое в лингвистике*. Вып. 2. Москва, 412–527.]
- COMRIE, B./THOMPSON, S. A. (1985), *Lexical Nominalization*. B: Shopen, T. (ed.), *Language Typology and Syntactic Description*, v. 3: *Grammatical Categories and the Lexicon*. Cambridge, 349–398.
- DIK, S. C. (1997), *The Theory of Functional Grammar*. Berlin/New York.
- FOLEY, W. A./VALIN, R. D. van (1984), *Functional syntax and universal grammar*. Cambridge etc.
- НАБРАЈСКА, G. (2017), *Kompresja i kondensacija w materiałach do Słownika komunikacyjnego*. W: Dudziak, A./Orzechowska, J. (red.), *Język i tekst w ujęciu strukturalnym i funkcjonalnym*. Olsztyn, 113–121.
- HOLMES, V. M./STOWE, L./CUPPLES, L. (1989), *Lexical Expectations in Parsing Complement-Verb Sentences*. B: *Journal of Memory and Language*. 28, 668–689.
- JELÍNEK, M. (2018), *Kondenzace*. B: www.czechency.org/slovník/KONDENZACE.
- KAROLAK, S. (1984), *Składnia wyrażen predykatywnych*. B: Topolińska, Z. (red.), *Gramatyka współczesnego języka polskiego. Składnia*. Warszawa, 11–212.
- KAROLAK, S. (2002), *Podstawowe struktury składniowe języka polskiego*. Warszawa.
- KIBRIK, A. (1987), *Constructions with clause actants in Daghestanian languages*. B: Dixon, R. M. W. (ed.), *Studies in ergativity*. Amsterdam, 133–178.
- KIBRIK, A. Ye. (2009), *K probleme variativnosti yazyka: metod mnogofaktornogo ischisleniya vtorogo porjadka*. V: <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2009/materials/html/25.htm>. [Кибрик, А. Е.]

- (2009), К проблеме вариативности языка: метод многофакторного исчисления второго порядка. В: <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2009/materials/html/25.htm>.]
- KIKLEWICZ, A. (2017), Walencja rosyjskich czasowników mentalnych w konstrukcjach diatezy pochodnej. В: *Prace Filologiczne*. LXX, 247–268.
- KIKLEWICZ, A./KORYTKOWSKA, M. (2013), Modelowanie płaszczyzny syntaktycznej a segmentacja hasła słownikowego (na przykładzie języków słowiańskich). В: *Biuletyn PTJ*. LXVIII, 49–68.
- KIKLEWICZ, A./KORYTKOWSKA, M. (2012), Eksplikativnyy sintaksiskak informatsionnaya baza leksikograficheskogo opisaniya glagolov (na materiale pol'skogo i russkogo yazykov). В: *Acta Linguistica Petropolitana*. VIII/3, 557–572. [Киклевич, А./Корытковская, М. (2012), Экспликативный синтаксис как информационная база лексикографического описания глаголов (на материале польского и русского языков). В: *Acta Linguistica Petropolitana*. VIII/3, 557–572.]
- KIKLEWICZ, A./KORYTKOWSKA, M. (red.) (2010), Podstawowe struktury zdaniowe współczesnych języków słowiańskich: białoruski, bułgarski, polski. Olsztyn.
- KLINKEN, V./LUMIEN, C. (1999), *A Grammar of the Fehan Dialect of Tetun – An Austronesian Language of West Timor*. Canberra.
- KОРТЯВСКАЯ-ТАММ, М. (2006), Nominalization. В: Brown, K. (ed.), *Encyclopedia of Linguistics*. Amsterdam/Boston/Heidelberg etc., 652–659.
- KORYTKOWSKA, M./МАЛДЖИЕВА, W. (2002), Od zdania złożonego do zdania pojedynczego (nominalizacja argumentu propozycyjonalnego w języku polskim i bułgarskim). Toruń.
- KOSHKAREVA, N. B. (2015), Tipovyye sintaksicheskiye struktury v yazykakh raznykh sistem kak otrazheniye yedinic yazyka i rechi. В: *Sibirskiy filologicheskiiy zhurnal*. 2, 14–26. [Кошкарева, Н. Б. (2015), Типовые синтаксические структуры в языках разных систем как отражение единиц языка и речи. В: *Сибирский филологический журнал*. 2, 14–26.]
- KRUCHININA, I. N. (1968), Pozitsionnyye ekvivalenty slova v sostave predlozheniya (k izucheniyu variativnykh sintaksicheskikh ryadov). Moskva [dissertatsiya]. [Кручинина, И. Н. (1968), Позиционные эквиваленты слова в составе предложения (к изучению вариативных синтаксических рядов). Москва [диссертация].]
- KVAM, S. (2002), Satzreduktion und kontraktive Konstruktionen als Textgestaltungsmittel eine Fallstudie am Beispiel eines deutsch-norwegischen fachsprachlichen Parallelltextes. Arhus.
- LAGUZOVA, Ye. N. (2016), Sintaksicheskaya kompressiya i sintaksicheskaya reduksiya v sovremennom russkom yazyke. В: *Sotsial'nyye i gumanitarnyye znaniya*. 2/4, 315–318. [Лагузова, Е. Н. (2016), Синтаксическая компрессия и синтаксическая редукция в современном русском языке. В: *Социальные и гуманитарные знания*. 2/4, 315–318.]
- LANDAU, I. (2010), The explicit syntax of implicit arguments. В: *Linguistic Inquiry*. 41, 357–388.
- LAZUTKINA, Ye. M. (2000), Variativnost' vsisteme grammaticheskikh norm sovremenogo russkogo literaturnogo yazyka. В: *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova RAN*. I, 223–325. [Лазуткина, Е. М. (2000), Вариативность в системе грамматических норм современного русского литературного языка. В: *Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН*. I, 223–325.]
- LAZUTKINA, Ye. M. (2012), *Slovar' grammaticheskoy sochetayemosti slov russkogo yazyka*. Moskva. [Лазуткина, Е. М. (2012), *Словарь грамматической сочетаемости слов русского языка*. Москва.]
- LENMANN, C. (1988), Typology of clause linkage. В: Haiman, J./Thomson, S. A. (eds.), *Clause Combining in Grammar and Discourse*. Amsterdam/Philadelphia, 181–225.
- LETUCHIY, A. B. (2012), O nekotorykh svoystvakh sententsial'nykh aktantov v russkom yazyke. В: *Voprosy yazykoznaneya*. 5, 57–87. [Летучий, А. Б. (2012), О некоторых свойствах синтаксических актантов в русском языке. В: *Вопросы языкознания*. 5, 57–87.]
- MISHLANOV, V. A. (1996), Semantika i struktura russkogo slozhnogo predlozheniya v svete dinamicheskogo sintaksisa. Perm. [Мишланов, В. А. (1996), Семантика и структура русского сложного предложения в свете динамического синтаксиса. Пермь.]

- MISHLANOV, V. A. (2010), К типологии сложного предложения: структурно-семантические особенности изъяснительных конструкций. В: *Vestnik Permskogo universiteta*. 2/8, 5–13. [Мишланов, В. А. (2010), К типологии сложного предложения: структурно-семантические особенности изъяснительных конструкций. В: *Вестник Пермского университета*. 2/8, 5–13.]
- MUSAN, R. (2013), Satzgliedanalyse. Heidelberg.
- NOONAN, M. (2006), Complement clause. B: Brown, K. (ed.), *Encyclopedia of Linguistics*. Amsterdam/Boston/Heidelberg etc., 694–697.
- NOONAN, M. (2007/1985), Complementation. B: Shopen, T. (ed.), *Language Typology and Syntactic Description*. Vol. II: Complex Constructions. Cambridge, 52–150.
- NORMAN, B. Yu. (1994), *Grammatika govoryashchego*. Sankt-Peterburg. [Норман, Б. Ю. (1994), *Грамматика говорящего*. Санкт-Петербург.]
- NORMAN, B. Yu. (2012), О протссах синтаксической компрессии в современных славянских языках. В: *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka*. /1/6, 3–11. [Норман, Б. Ю. (2012), О процессах синтаксической компрессии в современных славянских языках. В: *Известия РАН. Серия литературы и языка*. 71/6, 3–11.]
- REULAND, E. (2011), What's nominal in nominalizations? B: *Lingua*. 121/5, 1283–1296.
- ROUSSOU, A. (2009), Selecting complementizers. B: *Lingua*. 120, 582–603.
- SAFIR, K. (1991), Evaluative predicates and the representation of implicit arguments. B: Freidin, R. (ed.), *Principles and parameters in comparative grammar*. Cambridge, 99–131.
- SAFIR, K. (1993), Perception, Selection, and Structural Economy. B: *Natural Language Semantics*. 2, 47–70.
- SCHMIDTKE-BODE, K. (2014), *Complement Clauses and Complementation Systems: A Cross-Linguistic Study of Grammatical Organization*. Jena [Dissertation].
- SERDOVOL'SKAYA, N. V. (2005), *Sintaksicheskiy status aktantov zavisimoy nefinitnoy predikatsii*. Moskva [dissertatsiya]. [Сердобольская, Н. В. (2005), *Синтаксический статус актантов зависимой нефинитной предикации*. Москва [диссертация].]
- SERDOVOL'SKAYA, N. V./IL'YEVSKAYA, A. A./MINOR, S. A. i dr. (2016), *Konstruktsii s sententsial'nymi aktantami v finno-ugorskikh yazykakh*. V: Serdobol'skaya, N. V./Toldova, S. Yu. (red.), *Finno-ugorskiye yazyki: fragmenty grammaticheskogo opisaniya: formal'nyu i funktsional'nyu podkhody*. Moskva, 382–475. [Сердобольская, Н. В./Ильевская, А. А./Минор, С. А. и др. (2016), *Конструкции с сентенциальными актантами в финно-угорских языках*. В: Сердобольская, Н. В./Толдова, С. Ю. (ред.), *Финно-угорские языки: фрагменты грамматического описания: формальный и функциональный подходы*. Москва, 382–475.]
- SHELYAKIN, M. A. (2002), *Yazyk i chelovek. K probleme motivirovannosti yazykovoy sistemy*. Tartu. [Шелякин, М. А. (2002), *Язык и человек. К проблеме мотивированности языковой системы*. Тарту.]
- SHVEDOVA, N. Yu. (red.) (1980), *Russkaya grammatika. 2: sintaksis*. Moskva. [Шведова, Н. Ю. (ред.) (1980), *Русская грамматика. 2: синтаксис*. Москва.]
- СМЕТ, H. de (2009), Analyzing reanalysis. B: *Lingua*. 119, 1728–1755.
- SMITH, M. B. (2009), The semantics of complementation in English: A cognitive semantic account of two English complement constructions. In: *Language Sciences*. 31, 360–388.
- SOARE, E. (2017), Aspects of participial nominalizations in Romance. B: *Italian Journal of Linguistics*. 29/1, 101–116.
- SPEAS, M. (2004), Evidentiality, logophoricity and the syntactic representation of pragmatic features. B: *Lingua*. 114/3, 255–276.
- STEEDMAN, M. (2000), *The Syntactic Process*. Cambridge.
- STRELNIKOVA, O. V. (2010), Syntactic compression in the newspaper text. B: *Наукові записки. Серія Філологічна*. 14, 216–221.
- SZUMSKA, D. (2017), *Struktura predykatoowo-argumentowa jako narzędzie analizy tekstu: pro et contra*. B: *Studia z Filologii Polskiej i Słowiańskiej*. 52, 264–277.

- TESTELETS, Ya. G. (2001), *Vvedeniye v obshchiy sintaksis*. Moskva. [Тестелец, Я. Г. (2001), *Введение в общий синтаксис*. Москва.]
- VALIN, R. D. van (2001), *An Introduction to Syntax*. Cambridge.
- VALIN, R. D. van/LAPOLLA, R. J. (1997/2004), *Syntax: Structure, Meaning, and Function*. Cambridge.
- VESELOVSKÁ, L. (2000), *Syntaktické primitivy*. В: *Acta Universitatis Palackianae Olomucensis Facultas Philosophica Philosophica*. 73, 1–25.
- WILLIM, E. (2010), *O sporach wokół formy i funkcji we współczesnym językoznawstwie. Formalizm kontra funkcjonalizm?* В: *Linguistica Copernicana*. 1/3, 82–127.

